

Балет против шоу-бизнеса, или Театр с будущим

Признаюсь: всегда любила балеты Андрея ШЕДУКОВА. «Дерево жизни» Б. Бартока, «Рыцари печального образа» по музыке Р. Штрауса, «Эскизы» А. Шнитке (девятнадцатое воспринимается и также гоголевских нотами) — все они сегодня слыты с «фина» Большого, хотя еще сравнительно недавно мыслили в нее сумественное разоблачение. Оседлательные «Двенадцать стульев» Г. Гладкова в Москве и вовсе не видели: повелось лишь чедабинцам — Петров ставил спектакль в Челябинском театре оперы и балета, да интересной публике, посетившей короткое гастроли этой труппы.

Названия говорят сами за себя: юмор, прожил — едва ли не самые редкие и потому драгоценные гости на балетной сцене. И Андрей Петров щедро дарил своим зрителям встречу с ними. Прибавьте к этому изысканность, умение ненавязчиво затронуть наиболее и вечное, некую философию.

Столь подробный исторический экскурс в творчество балетмейстера отнюдь не случаен. Между Петровым, скажем так, «эскиз Большого» и нынешним руководителем Театра балета Государственного академического Большого театра

своего времени, существует немалое за-Талантливый различие. Новая сфера, иное время. Они не могут не диктовать новых художественных задач, новых подходов и спектаклю. На мой взгляд, в последних работах Андрея Петрова — надменно, это «Русские и Людмила» по музыке М. Глинки и только что выпущенный «Щелкунчик» П. Чайковского, — заметился переход к своему рода шоу-балету: пышный блеск декораций и костюмов, то и дело фокусирующий внимание, «важные» на сценические трюки, заметная облегченность драматургии, да подчас и самого хореографического «текста». Подчеркнуто: на мой взгляд. Потому как вряд ли есть нечто более субъективное во сути своей, нежели театральная критика. Особенно балетная. И там, где мне, к примеру, являлся черта шоу, кто-то из мэтров может усмотреть сочетание «соединного академизма и классического рашописа». И вот именно потому, что «каждый пишет, как он слышит», полагаю, читателям интереснее прежде всего голос «самого мастера. К тому же Андрей Борисович Петров — собеседник по настоящему интересный, и наш с ним разговор вышел далеко за рамки последней премьеры. Но сначала все же о ней.

— Вообще-то я не склонен комментировать свое искусство. Один сочтет его облегченным, другие, наоборот, усложненным? Если говорить о хореографии, совершенно очевидно, что техническая насыщенность у меня большая и ни о каком «облегчении» не может быть и речи — ни для солистов, ни для хордебалета. С другой стороны, сценическая площадка, конечно же, диктует определенный размер: на такой огромной сцене построить намеренное действие невозможно. И в этой связи — не случаи, конечно, и выбор сказочных сюжетов, позволяющих создавать феерию. Кстати, она всегда была близка русскому балету: возьмите ту же «Спящую красавицу» или «Золушку».

— Да, но ведь «Щелкунчик» — спектакль несомненно иной. И, между прочим, среди достоинств вашей постановки мне один раз хотелось бы отметить ремесленность. Кстати, почему вы остановили свой выбор именно на этом балете Чайковского?

— «Щелкунчик» возник в нашем репертуаре довольно неожиданно: им пришлось срочно заменить другой спектакль. Хотя я уже какое-то время вынашивал идею этой постановки. Мне хотелось разрушить расхожее представление о «Щелкунчике» как об абсолютно детской сказке и увлечь зрителя в романтический, иллюзорный мир, где живут воспоминания о первой любви. А что может больше подойти для выражения иллюзии, чем сама иллюзия? Отсюда и возникла мысль пригласить и сотрудничеству Игоря Кио — это и вопросу о сценических трюках. Что же до эффекта намеренности, то его мы неожиданно достигли, «идя от обратного»: на фоне огромных декораций «притягательным центром» становится человек, то есть актер. Другими словами, расширив пространство, мы в то же время стремились воостречь внимание на танцовщице. Вот и все.

— Верно, легендарная романтичность сюжета МДС нас больше не пугает?

— Она никогда нас не пугала. Напротив, я лично всегда считал, что это счастье — иметь в своем распоряжении такую сценическую площадку. Ведь в Москве, кроме Большого театра, по сути, нет больше полностью пригодных для балета сцен. К тому же мы имеем уникальную возможность собирать сразу шесть тысяч зрителей.

— А в смысле, как у вас со зрителем? Собирается ли публика? Мы все переживаем оттого, что в Москве не хватает хороших зрителей. И при этом билетов 300—500 рублей много не есть, полагаю, а чем задуматься...

— Заполняемость зала у нас в течение года составляет восемьдесят процентов. Начиная с прошлого года, Большого, правда, много иностранцев. Так, скажем, посольство Китая регулярно закупает у нас по 300—500 билетов, в том числе и на обычные, рядовые спектакли. Хотя, разумеется, для нас принципиально важна своя, отечественная публика — не случайно мы делаем основную ставку не на гастроль, а на работу здесь, дома. Кстати, нас очень радует, что на наши спектакли приходит много детей, и поэтому тоже мы делаем основную ставку на русскую классику. Что же до цен на билеты — тут от нас, к сожалению, ничего не зависит. Между прочим, если брать по соотношению с международными стандартами, то они у нас предельно низкие. Как там, в популярной рекламе, помните? «Ну очень смешные деньги». То есть билет стоит где-то около 50 центов, тогда как на Западе средняя цена театрального билета составляет 40—50 долларов. Да и в сравнении с нашими же реалиями получается, что билет в театр стоит почти как бутылка воды.

— Давайте вернемся к проблеме шоу-мажора, если угодно, феерии в балете. Сравнивая, скажем так, зрелищность как таковой просматривается в ваших постановках, и все это, ну, скажем так, балет «Спящая красавица»?

— Видите ли, это получается волей-неволей. Нам ведь сегодня приходится привлекать зрителя в условиях мощной конкуренции с поставленным на поток шоу-бизнесом. Эта зачастую абсолютно бездуховная машина оснащена мощными ультрасовременными техническими средствами. И чтобы быть конкурентоспособными, наши спектакли также должны располагать

всеми достижениями сценической техники. Хотя, как трудно догадаться, в отечественных условиях это дается крайне тяжело. Ведь все изготовляется по-прежнему старыми, кустарными методами. Нет материалов, нет технологий. Даже специальная коробка, в которой исчезает герой в «Щелкунчике», оборачивается проблемой. Когда в Париже известный сейчас на Западе художник Юрий Кулер рассказывал мне, что у него в новом спектакле летала и садилась на крысы электронная бабочка, становилось не по себе — совершенно очевидно, что мы никогда не достигнем такого уровня... В настоящее время наш театр работает над современным балетом «Ящерица» по пьесе Володина. И хотя это очень личная психологическая история, совершенно ясно, что спектакль будет воспринят публикой только в том случае, если удастся добиться масштаба, адекватного нашей сцене, необычных зрелищных эффектов. Хотю привлечь самую современную лазерную технику. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Вашему театру выпало счастье работать с действительно талантливыми художниками, которые любят его и хорошо чувствуют ваши замыслы. — Марина Соколова, Борис Мессерер, Ольга Полянская. Кто будет оформлять «Ящерицу»?

— Костюмы, по всей вероятности, снова будет делать Ольга Полянская, а над декорациями работает Сергей Шаров, очень интересный художник, один из участников популярной в свое время «Выставки 20-ти московских художников». Это первая его работа в театре. В дальнейшем хотелось бы возобновить сотрудничество с Валерием Левенталем и Станиславом Беледиктовым, с которыми мы вместе делали «Снегурочку» (спектакль шел в Софии. — М. Ю.).

— У академического балета немало разных проблем, среди которых, конечно, место занимают чисто материальные вопросы. Влететь куда-то без истории с оркестром Большого театра, в котором вам была, по сути, отведена уже после всех дирекций за несколько дней до премьеры. Потому, возможно, мы впервые выступим на сцене актуально.

— Возможно. Что касается «Эскизов», то я, откровенно говоря, планирую открыть свой театр именно ими. Даже пообещав это Альфреду Шнитке и хочу сейчас публично извиниться перед ним за то, что не выполнил обещания. Дело в том, что у нас была договоренность с Большим театром, что они снимут спектакль с репертуара и передадут нам декорации. С репертуара его сняли. А декорации и по сей день гниют в ГАБТе, причем теперь нам предлагают выкупить их по нынешним ценам. Сами понимаете. Так что все надо делать заново. Может быть, вернусь когда-нибудь и к «Двенадцати стульям». Сегодня, когда снята всякая цензура, эту вещь можно было бы сделать еще интереснее.

Марина ЮРЬЕВА

ВЫНИСЫВАЙТЕ
С ЛЮБОГО МЕСЯЦА
ПОКУПАЙТЕ
ПО СРЕДАМ
ЧИТАЙТЕ
ВСЮ НЕДЕЛЮ